

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

1-го мая. № 9. 1890 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

**Инокъ Герасимъ, подвижникъ и настоятель
Краснослободской „Спасовой пустыни“ *).**

III.

Наступилъ 1670 годъ и для нашей Пензенско-Тамбовской стороны настало „бунтовое Стенкино время“; всюду, по всеѣмъ городамъ и весямъ нашей украины, закипѣлъ страшный бунтъ народный... Волненіе, охватившее всю сторону не миновало, конечно, и ближайшихъ окрестностей Саровскаго лѣса. Такъ, въ концѣ 1670 года „воровство объявилось“ въ Темниковѣ, а въ началѣ слѣдующаго 1671 года въ октябрѣ мѣсяцѣ (годъ считался тогда съ 1-го сентября), воры пришли изъ Темникова въ с. Кременки, въ то самое, откуда приходили къ Герасиму владойскатели. Это было уже совсѣмъ близко; но опасаться Герасиму прихода воровъ все-таки было нечего: зачѣмъ придутъ они въ безлюдную лѣсную трущобу, въ которую и пробраться было

*) Продолженіе. См. № 8.

довольно трудно. Однако на дѣлѣ вышло иначе, и воры не только что заглянули въ Герасимову пустыню, но даже и поселились въ ней. Случилось это, должно быть, тогда, когда бунтовщики, разгромленные всюду царскими войсками, стали укрываться въ непроходимыхъ лѣсахъ и, соединившись въ мелкія шайки, начали промышлять грабежѣмъ и разбоемъ. Съ этихъ поръ для Герасима начались всякаго рода „искушенія“ и всевозможныя бѣды и напасти, укрыться отъ которыхъ было невозможно даже и на иноческомъ подвигѣ. Господь испытывалъ раба своего искушеніями и скорбями, какъ испытывается огнемъ „злато въ горнилѣ“. Разбойники, поселившіеся неподалеку отъ Герасима, стали часто навѣдываться къ нему и, разумѣется, не ради пользы душевной, а затѣмъ, чтобы воспользоваться его келіей для своихъ пьяныхъ сборищъ и для дѣлежа награбленной добычи. И вотъ, жилище инока, освященное его молитвами, сдѣлалось вертепомъ разбойниковъ, „на мѣстѣ святѣ“ водворилась мерзость запустенія... Сверхъ того, разбойники, завладѣвъ келіей, не оставили въ покоѣ и самого Герасима: „и многія пакости ему дѣяху“, повѣствуетъ первоначальникъ Саровскій. Пьяные грабители не церемонились съ одинокимъ монахомъ, подвергая его всевозможнымъ оскорбленіямъ, а можетъ быть даже и побоямъ. Но съ твердостью и великимъ терпѣніемъ переносилъ все это рабъ Христовъ и, вѣрный заповѣди своего Господа, даже молился за своихъ оскорбителей. Однако этимъ не ограничились бѣдствія Герасима: къ бѣдамъ отъ разбойниковъ присоединились вскорѣ напасти и отъ Кадомской мордвы, находившейся тогда еще въ язычествѣ. Эта мордва, считавшая себя хозяевами того мѣста, на которомъ подвизался Герасимъ, стала прогонять его оттуда и, не позволяя ему здѣсь жить, — „убійствомъ прещаху“. „Тогда“ онъ, Герасимъ, „видя таковую напасть, зело оскор-

бися, и не вѣдая, что сотворити,—яко человекъ, подпаде малодушію“, повѣствуетъ о томъ Саровскій первоначальникъ. Въ чемъ, собственно, заключалось „малодушіе“, въ которое впалъ Герасимъ,—первоначальникъ Саровской не объясняетъ. Но возможно допустить, что Герасимъ отдался на нѣкоторое время страху, впрочемъ не за жизнь свою: ибо для того, кому „еже жити Христосъ и умерти пріобрѣтеніе“, смерть не могла казаться страшною, а въ виду возможности подпасть обвиненію со стороны „городскихъ начальниковъ“ въ соучастіи съ разбойниками, въ пристанодержательствѣ и укрывательствѣ, а можетъ быть, по тогдашнему смутному времени, даже и въ государственной измѣнѣ. Для чистаго душею Герасима обвиненіе, хотя бы и ложное, въ столь гнусныхъ преступленіяхъ было невыносимо и казалось страшнѣе самой смерти.

Сильно скорбѣлъ и смущался Герасимъ отъ „обышедшихъ его золь“, и много молилъ онъ Господа объ избавленіи отъ нихъ. Могъ онъ, конечно, удалиться изъ Сарова, но не будетъ-ли это, съ его стороны, измѣной данному имъ обѣту—никогда не покидать мѣста своего пустынножительства, а главное, не прогнѣвить ли онъ своимъ бѣгствомъ Господа, повелѣвшаго рабамъ своимъ терпѣть всяческія озлобленія до конца... Но въ то же время пришло Герасиму на мысль, что безцѣльное мученичество и бесполезная гибель, ожидавшая его здѣсь, если онъ останется, не могутъ быть истиннымъ исполненіемъ воли Божіей: вѣдь не „за имя Божіе и свидѣтельство Іисусъ Христово“ постраждетъ онъ здѣсь, а по обвиненію въ гнусномъ преступленіи, отъ коего отвращается душа его; итакъ, какую пользу могла принести кому его безславная гибель? „И тако смущающуса и скорбящу“,—повѣствуетъ первоначальникъ, —„абіе поману слово Господне, реченное въ Евангеліи: аще говять

васъ во градѣ, бѣгайте въ другій, и помысли изъ Сарова отыти“. Порѣшивъ, такимъ образомъ удалиться, Герасимъ, обихишій все совершать по волѣ Божіей, и въ этомъ случаѣ прибѣгнувъ съ прилежной молитвой къ Богу „да подастъ ему мѣсто гдѣ быти“, и послѣ того отошелъ, наконецъ, изъ Сарова къ Красной Слободѣ въ Спасову пустынь.

Саровская гора и пустынная келья Герасима опустѣли.

IV.

Со скорбію покидалъ Герасимъ свою пустынную келью на Саровской горѣ, свою лѣсную пустыню, въ которой онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ. Здѣсь каждый уголокъ папоминалъ ему или о попесенныхъ трудахъ, или объ иноческихъ подвигахъ и небесныхъ утѣшеніяхъ, происходившихъ иногда въ его скорбную душу; здѣсь каждая пядь земли, быть можетъ, была орошена его слезами и освящена его молитвами, и самый воздухъ, казалось, былъ здѣсь насыщенъ „воздыханіями неизреченными“, когда онъ, „съ великимъ воплемъ и слезами“ припадая къ землѣ, взывалъ къ Господу: „Твой бо есмь, помилуй мя“!.... Здѣсь же, въ этой пустынѣ, онъ удостоился отъ Господа знаменій и откровеній, предрекавшихъ славу мѣста сего. И вотъ теперь онъ все это долженъ покинуть, какъ бѣглецъ, одинокій и безпріютный. „Стражникъ я у Тебя и пришлецъ, какъ и всѣ отцы мои“,—шепталъ Герасимъ, бросивъ прощальный взглядъ на свою келью и пробираясь подъ новыми деревьями на большую Арзамасскую дорогу. А наступила уже зима, всюду лежалъ снѣгъ и ледяной, пронизывающій вѣтеръ металъ въ лицо колючею снѣжною пылью. Трудно было одинокому путнику идти въ такую холодную пору по нескончаемымъ лѣсамъ, по мѣстамъ почти безлюднымъ, по

сугробамъ, въ которыхъ утопалъ онъ на каждомъ шагу, въ ежечасной опасности упасть на дорогѣ отъ утомленія и замерзнуть, или же быть растерзаннымъ набѣжавшею на него волчьей стаей. Селенія въ то время были рѣдки, и Герасиму приходилось дѣлать большіе переходы. Усталый и измученный приходилъ онъ на ночлеги, но вмѣсто отдыха встрѣчали его здѣсь скорбные, томившіе душу, рассказы объ ужасахъ затихавшей смуты, о всеобщемъ разореніи и о погибшихъ жертвахъ народнаго замѣщательства, въ числѣ коихъ могли быть также и его родичи.... Онъ не могъ не сострадать душою плачущимъ и не исполняться ужасомъ, слушая, напр., рассказъ о томъ, какъ, недавно, въ городѣ Темниковѣ сожгли въ срубѣ „вора-старцу“—постриженную ипокинью, за участіе въ возмущеніи, за „вѣдовство“ и порчу людей волшебными зельями *)... Кто знаетъ: не угрожало-ли что либо подобное и ему самому, если бы оставшись въ Саровѣ, онъ подпалъ обвиненію со стороны городскихъ начальниковъ! Но милосердый Господь сохранилъ своего избранника: подъ кровомъ Божіей благодати, благополучно дошелъ Герасимъ до Спасовой обители, гдѣ и водворился въ совершенной безопасности, какъ отъ воровскихъ людей, такъ равно и отъ другихъ напастей.

Обитель Спасова къ приходу Герасима мало измѣнилась по внѣшности: тотъ же убогій деревянный храмъ, съ широкимъ крыльцомъ и круглыми главами, стоялъ надъ рѣкою среди лѣса; и около храма, попрежнему, виднѣлись крытыя соломой деревянныя братскія келліи; ко всему этому прибавилось, быть можетъ, только плетневая ограда со

*) Отписка князя Юр. Алексѣев. Долгорукова отъ 13 декабря 1671 года. Матер. для истор. возмущ. Стеньки Разина

святыми воротами, да какая либо хозяйственная постройка,— вотъ и всѣ перемѣны.

Впрочемъ, если мало измѣнилась сама обитель, то составъ братіи за нѣсколько лѣтъ долженъ былъ значительно измѣниться. Такъ, едва-ли, напримѣръ, Герасимъ могъ застать въ обители своего старца Діонисія, который къ этому времени вѣроятно уже скончался, а также едва-ли встрѣтилъ онъ многихъ и другихъ первоначальниковъ обители,—тѣмъ болѣе, что въ тѣ времена иночествующая братія представляла самый неустойчивый элементъ, вслѣдствіе чего „монаси приходяху и паки отходяху“,—кто въ другіе монастыри, кто на пустынное безмолвіе, а иные и въ благочестивое странствованіе по святынямъ русскимъ. Однако, несмотря на перемѣны, Герасима въ обители знали и почитали какъ строгаго подвижника и добродѣтельнаго инока, а потому приходъ его былъ радостнымъ событіемъ для братіи монастырской, которая, встрѣчая Герасима, надѣялась даже, что онъ будетъ у нихъ настоятелемъ.

Но не для настоятельства возвратился рабъ Христовъ въ свою обитель: смиренная душа подвижника стремилась не ко власти надъ другими, а къ пустынному безмолвію, къ трудамъ и подвигамъ, очищающимъ душу и сердце; поэтому, перезимовавъ въ обители, съ наступленіемъ весны, Герасимъ снова удалился на безмолвіе, верстъ на 5-ть отъ обители, къ западу, на р. Рябку, въ глухую чащу лѣса. Здѣсь отыскалась удобная для жилья полянка *), вся пестрѣвшая цвѣтами; тутъ же подъ сѣнью деревьевъ бойко

*) Поляна, на которой жилъ Герасимъ, извѣстна и теперь подъ именемъ „Герасимовой поляны“; на ней, какъ рассказываютъ, сохранился и родничекъ и даже слѣды грядокъ, вскопанныхъ Герасимомъ.

выбивалъ изъ земли и свѣжій родничекъ студеной воды, и свѣтлымъ, чистымъ ручейкомъ сбѣгалъ онъ по цвѣтущей полянѣ въ лѣсную чащу. На этомъ мѣстѣ Герасимъ поставилъ себѣ келью, завелъ огородъ и opravилъ родникъ срубомъ, а затѣмъ зажилъ попрежнему, какъ и въ Саровѣ, но только ужъ не одинъ, а съ товарищемъ-монахомъ, который, впрочемъ, не могъ нарушать безмолвія, потому что былъ глухо-нѣмой...

Удалившись, такимъ образомъ, на безмолвіе, Герасимъ непрерывалъ живаго общенія съ обителью; онъ и самъ изрѣдка приходилъ въ монастырь, и не тяготился, если иногда и братія монастырская посѣщала его келью въ пустынѣ Рябкинской. Съ любовью принималъ онъ братію и бесѣдовалъ „отъ писанія“, съ живымъ участіемъ относился онъ также и къ нуждамъ монастырскимъ. Монастырское хозяйство въ то время почему-то не процвѣтало и въ обители во всемъ ощущалась великая скудость, вслѣдствіе чего братія, приходя къ Герасиму, иногда жаловалась, между прочимъ, и на нужду монастырскую; тогда рабъ Божій, довольствовавшійся для себя однимъ укрупомъ хлѣба, — не пренебрегалъ заботами братіи объ обезпеченіи продовольствія, и не только сталъ дѣлиться съ обителью произведеніями своего огорода, но благоразумными наставленіями, а можетъ быть даже и личнымъ участіемъ въ послушаніяхъ монастырскихъ, настолько улучшилъ монастырское хозяйство, что въ обители, мало-по-малу, стало водворяться довольство и изобиліе.

Изъ этого видно, между прочимъ, что не для одного лишь пустыннаго безмолвія и подвиговъ иночества пришелъ рабъ Божій въ Спасову обитель, но и для служенія ближнимъ, — не затѣмъ сюда пришелъ онъ, „да послужать ему, но послужити“... (Мѡ. XX, 28). И Герасимъ, сколько могъ,

служилъ братіи монастырской, оказывая ей искреннюю любовь и благорасположеніе, за что, въ свою очередь, и братія монастырская дорожила присутствіемъ Герасима, „почитающе его, какъ отца и наставника, всячески его утѣшающе и ни въ чемъ его оскорбляюще, и никакоже, кромѣ отходныя келліи, хотяху его пустити“. Да Герасимъ, кажется, и не думалъ отходить куда-либо отъ обители, потому что жизнь его въ Рябинской кельѣ, въ общемъ, ничѣмъ не развилась отъ жизни въ Саровѣ. Здѣсь онъ такъ же неустанно трудился, какъ и въ Саровѣ: работалъ на огородѣ, работалъ въ лѣсу и питался тѣмъ же самымъ, съ примѣсю гнлушекъ хлѣбомъ, который онъ, впрочемъ, уже избѣгалъ предлагать приходящимъ, имѣя для того въ запасѣ совершенно чистый хлѣбъ. Иногда случалось, что въ большіе праздники монастырская братія, побуждаемая любовью къ Герасиму, какъ къ своему отцу и наставнику, приносила ему пищу съ монастырской трапезы: щи, горохъ и кашу. Герасимъ, въ угоду братіи, не отказывался и отъ этой столь роскошной для него пищи, но вкушалъ ее не иначе, какъ перемѣшавъ всѣ кушанья вмѣстѣ, дабы безвкусіемъ брашна въобуздать вождѣленія чрева.

Преданіе монастырское присоединяетъ къ сказанному еще и то, что Герасимъ, живя на Рябѣ, работалъ колеса, которыя онъ продавалъ, а вырученныя за нихъ деньги раздавалъ неимущимъ; и при этомъ случалось, конечно, что бѣдняки, нуждавшіеся въ колесахъ, получали ихъ даромъ.

Такъ жилъ и трудился рабъ Божій „въ неистлѣвнн кроткаго и молчаливаго духа, благотворяще“, и преуспѣвая „въ братолюбіи, милосердіи и кротости“.

Въ Рябинской кельѣ Герасимъ прожилъ 12-ть лѣтъ. За это время въ обители смѣнилось три настоятеля, и когда послѣдній изъ нихъ, „черный монахъ“ Феодосій, оставилъ

въ 1682 году настоятельство, тогда братія единодушно пожелала избрать на его мѣсто Герасима. „И приде къ нему отъ всей братіи монаси“,—повѣствуетъ первоначальникъ,—„и нача со слезами прилежно молити его, дабы онъ шель въ монастырь и былъ у нихъ настоятелемъ“. Можно думать, что просьба эта была для Герасима столько же неожиданна, какъ и тягостна, потому что Герасимъ долго и настойчиво отказывался и самъ даже умолялъ братію „оставить его въ томъ житіи“; но мольбы и слезы братіи превозмогли: „побѣждаемый ихъ любовью“, Герасимъ наконецъ согласился, хотя и съ оговоркой, что, по минованіи надобности, онъ опять возвратится на свое безмолвіе, „аще Богъ изволить“. Такимъ образомъ Герасимъ, скрываемый столько лѣтъ въ пустынь, теперь промысломъ Божиимъ поставленъ былъ „на свѣщницѣ, да свѣтитъ“, и ради того, конечно, усугубилъ онъ и свои подвиги ивоческіе „да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду“ (I Коринѣ. IX—27).

Во время благопотребное вручилъ Богъ Герасиму жезлъ настоятельскій, потому что года черезъ два послѣ его избранія обители Спасской стала угрожать серьезная опасность—лишиться всѣхъ средствъ своего существованія и вслѣдствіе того подвергнуться, быть можетъ, даже совершенному уничтоженію. Дѣло въ томъ, что нашлись люди, задумавшіе отнять у обители ея достояніе—оброчныя статьи, пожертвованныя ей благочестивымъ Путилкою Боженовымъ. Завязалось дѣло, начался искъ,—несправедливый и кляузный. Пришлось хлопотать по судамъ и отстаивать наслѣдіе монастырское. Тяжелый трудъ для настоятеля-отшельника, никогда не вѣдаваго въ своей жизни ни судовъ, ни судейской волокиты. Но такъ какъ „благочестіе на все бываетъ полезно“, то и здѣсь, въ такомъ кляузномъ дѣлѣ подвижникъ вѣры и благочестія,—какъ-бы воплощавшій въ себѣ „немудрое

Божіе“ — оказался „мудрѣе челоѣковъ“, и, несмотря на всѣ ухищренія и коварство ябедниковъ и даже на поддержку неправеднаго иска со стороны городскихъ начальниковъ, Герасимъ все-таки сумѣлъ отстоять права обители на землю и упрочить ее за обителью даже „до сего дня“*). Служивъ столь незабвенную службу обители, обезпечивъ навсегда ея существованіе, блаженный старецъ удалился отъ даятельства на обычное безмолвіе. Герасимъ, бывъ уже тогда въ преклонныхъ лѣтахъ, и приближаясь къ концу своего земнаго поприща, считалъ необходимымъ усугубить свои подвиги. Въ послѣдніе годы жизни мысль о смерти не покидала Герасима; это видно изъ того, что одно время онъ весьма смущался недоумѣніемъ, гдѣ должно ему встрѣдить смертный часъ и быть предану землѣ тѣлу его: адѣржи въ Спасовой обители, которой онъ принадлежитъ какъ первопостриженникъ и настоятель, или тамъ, на берегу Сатиса въ Саровскомъ лѣсу, — гдѣ полагалось начало подвигамъ пустынножителя и гдѣ онъ, наконецъ, удостоился знаменій и откровеній. Изъ этого боренія помысловъ можно замѣтить, что Герасима тянуло больше къ Сарову, чѣмъ привязывало къ Спасовой обители; что Саровъ съ его вѣковыми деревьями и первоначальнымъ безмолвіемъ, съ его таинственнымъ мракомъ и еще болѣе таинственными чудесами какъ-то ближе былъ къ сердцу Герасима, чѣмъ Спасова обитель съ ея „молвю“ и суетою, отрывавшими его часто отъ богомыслія и молитвы. Не зная что предпринять въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ рѣшилъ, наконецъ, предать все волѣ Божіей; написавъ два

*) Грам. цар. Іоанна и Петра Алекс. и царевны Софіи Алекс. отъ 26 марта 1714 (1686 г.) и указъ Тамбовск. духовн. Консисторіи 3 декабря 1767 года за № 1199-мъ.

жребія, Герасимъ положилъ ихъ на престолѣ, подѣ целену, и сталъ на молитву. Долго и горячо молился Герасимъ, и послѣ того рѣшился взять жребій... На жребіи значилось: „оставаться въ обители“. Съ благодареніемъ принялъ Герасимъ рѣшеніе своей участи и остался въ обители навсегда. Послѣдніе годы жизни блаженного старца ознаменовались благодатными дарами Святаго Духа, видимымъ признакомъ того, что духовная жизнь Герасима достигла къ этому времени „въ мѣру возраста Христова“. По свидѣтельству Саровскаго первоначальника, Герасимъ наклонѣтъ дней своихъ „сподобился отъ Бога благодати пророческаго дара и молитвою своею челоуѣкомъ недуги врачеваше“.

Блаженная кончина старца наступила, какъ существуетъ преданіе, около 1700 года, вѣтъ за семью до основанія предреченной имъ Саровской пустыни. Больше ничего неизвѣстно о кончинѣ Герасима: онъ умеръ, должно быть, такъ же одиноко, какъ и жилъ. Несомнѣнно, впрочемъ, одно, что братія монастырская, провожая въ могилу честное тѣло своего отца, наставника и благодѣтеля, почтила его память многими и теплыми слезами, а вспоминая его жизнь, труды и подвиги, его истинно-христіанское смиреніе и искреннюю любовь къ ближнимъ, — утѣшались упованіемъ, что Милосердый Господь, въ воздаяніе за добродѣтельное и скорбное житіе раба Своего Герасима, не только что прославить его въ небесномъ Своемъ царствѣ, но и здѣсь, на землѣ, „не дастъ пренедобному Своему увидѣть истлѣнія“ (Псал. XV—10).

V *).

Столь сладостная надежда о неистлѣніи честнаго тѣла

*) Все послѣдующее заимствуемъ изъ „Статистическаго описанія Спасо-Преображенскаго монастыря“, — составлен-

блаженнаго іеросхимонаха Герасима почти два столѣтія пережила послѣ его кончины и, достигая до нашихъ дней, оживаетъ все больше и больше... Мѣстные жители, а тѣмъ паче Спасскіе ипоки, твердо убѣждены, что останки Герасима сохраняются нетлѣнными; и это всеобщее убѣжденіе, какъ увидимъ, имѣетъ весьма справедливое основаніе, —утверждается, кромѣ вѣры, также и на фактахъ.

Первоначально честное тѣло старца Герасима было погребено близъ соборнаго монастырскаго храма на южной его сторонѣ, гдѣ находился придѣлъ во имя Божія Матери Казанскія. Храмъ этотъ былъ деревянный и къ 1790 году пришелъ въ такую ветхость, что его должны были разобрать и на мѣстѣ его построить другой храмъ, уже каменный. Благословенная грамота на созиданіе каменнаго собора была получена въ 1792 году въ февралѣ мѣсяцѣ, и весной того же года приступили къ землянымъ работамъ для прокладки фундамента. Во время этихъ работъ, когда стали вести канаву по южной сторонѣ храма, случайно, какъ это обыкновенно думаютъ, на самомъ же дѣлѣ безъ воли Божіей, дорылись до чьего-то гроба; когда же, любопытствуя, открыли гробъ, то усмотрѣли въ немъ одежды схимническія и нетлѣнное тѣло, — „не отемнѣстѣ очи его, не истлѣста устнѣ его“ (Второз. XXXIV—7).

Объ этомъ открытіи дали знать настоятелю Іонѣ, который, осмотрѣвъ обрѣтенныя мощи, объяснилъ присутствовавшимъ, что на этомъ мѣстѣ была деревянная церковь и подъ оной похороненъ святой жизни іеросхимонахъ Герасимъ, —это его мощи. „Пусть онъ останется за стѣной“, сказалъ настоятель, — „и пребудетъ внѣ храма; дабы егда

наго въ 1856 году его настоятелемъ архимандритомъ Илюфомъ, по порученію Церковно-статистическаго Комитета.

Господь Богъ прославить сего іеросхимонаха, тогда удобнѣе можно будетъ его изъ земли вырыть“. Такимъ образомъ нетлѣнное тѣло іеросхимонаха Герасима осталось, попрежнему, снаружи—внѣ стѣнъ храма. Впослѣдствіи оказалось, однако, что Богъ судилъ иначе, чѣмъ настоятель монастырскій.

Когда каменный храмъ благоуспѣшно совершился кладкою и оставалось только приступить къ внутреннимъ работамъ, какъ однажды ночью, когда уже всѣ спали, страшный грохотъ и трескъ, внезапно раздавшійся на монастырскомъ дворѣ, разбудилъ всю обитель; всѣмъ показалось, что отъ этого грохота поколебалось даже самое мѣсто, на которомъ стоялъ монастырь... Когда же выбѣжали изъ келлій, то увидѣли, что вновь отстроенный храмъ упалъ и разрушился, и вмѣсто величественнаго зданія лежитъ одна лишь безобразная груда камней, надъ которой поднимается къ небу, какъ дымъ надъ пожарищемъ, громадное облако пыли. Чѣмъ же, однако, объясняется это столь неожиданное разрушеніе постройки? Въ оффиціальномъ донесеніи о сказанномъ происшествіи настоятель Іона старался объяснить разрушеніе дурною кладкой, плохимъ цементомъ, хрупкостью кирпича и т. п. естественными причинами, которыя, безъ сомнѣнія, могли и существовать,—но иноки обители и въ особенности голосъ народный въ этомъ происшествіи усматривали совсѣмъ иное, и обвиняли настоятеля Іону въ неразумномъ его распоряженіи выгородить могилу раба Божія Герасима изъ стѣнъ храма.

Такимъ-же образомъ понялъ это происшествіе и слѣдующій за Іоною настоятель іеромонахъ Геннадій, и потому, возобновля храмъ, повелъ его южную стѣну такимъ образомъ, что могила Герасима оказалась внутри стѣнъ храма, который стоитъ понынѣ.

Въ позднѣйшее время, именно при настоятелѣ монастыря архимандритѣ Нифонтѣ, скончавшемся въ началѣ 70-хъ годовъ нынѣшняго XIX столѣтія 115 лѣтъ отъ роду, могила Герасима отгорожена отъ прочаго пространства подѣ церковною особыми стѣнами, — устроенъ какъ бы склепъ *). Къ могилѣ сдѣланъ особый ходъ и надъ самой могилой устроено надгробіе, на которомъ сверху положено изображеніе Герасима въ схимническомъ одѣяніи.

Спрашивается, откуда взялось это изображеніе, снятое, очевидно, съ усопшаго, лежащаго во гробѣ? Едва-ли оно могло быть написано инокѣми Спасскими, погребавшими тѣло блаженнаго старца. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить монастырское преданіе и притомъ самое свѣжее... Вотъ что рассказываетъ это преданіе.

При вышеупомянутомъ архимандритѣ Нифонтѣ случилось сдѣлать поправки какъ въ самой церкви, такъ и въ склепѣ Герасимовомъ. Во время этихъ поправокъ надгробіе съ могилы Герасима пришлось сдвинуть и гробъ оказался на виду; тогда архимандриту Нифонту (извѣстному своимъ благочестіемъ и чистотою жизни) пришла мысль открыть гробъ подвижника „ради его прославленія“, — что и было исполнено самимъ архимандритомъ послѣ долговременной и усердной молитвы. Когда же открыли гробъ, то опять, какъ и въ 1792 году, тѣло Герасима, несмотря на то, что прошло уже около полутора ста лѣтъ послѣ его кончины, — оказалось негнѣннымъ и схимническія одежды его неистлѣвшими. Архимандритъ Нифонтъ рѣшился списать изображеніе съ мощей Герасима въ томъ видѣ, въ какомъ они лежатъ во гробѣ. Изображеніе это, затѣмъ, было положено на надгробіе, на

*) Въ 1889 году склепъ распространенъ подѣ церковью.

которомъ находится и до сихъ поръ. Преданіе о томъ хранится въ обители въ записи. Кромѣ сихъ явныхъ знаменій благодати Божіей, явленныхъ при двукратномъ обрѣтеніи нетлѣннаго тѣла блаженнаго Герасима, въ народѣ и между братіей монастырской существуетъ много рассказовъ о чудесахъ, истекающихъ отъ честнаго гроба его. Такъ, часто приходится слышать, что по отслуженіи, по іеросхимонахѣ Герасимѣ, панихиды, — многіе больные получаютъ, по вѣрѣ своей, исцѣленіе, въ особенности такъ-называемые бѣсноватые ¹⁾ и роженцы ²⁾ — во время трудныхъ родовъ, а также и разслабленные ногами. О послѣднемъ случаѣ исцѣленія рассказываетъ монастырскій звонарь — слѣпой старецъ Ѳеодоръ Балыковъ. Онъ говоритъ, что самъ былъ свидѣтелемъ подобнаго чуда въ 40-хъ годахъ, когда изъ г. Темникова привозили въ монастырь одного разслабленнаго ногами, и какъ тотъ, послѣ панихиды по блаженномъ Герасимѣ, на глазахъ всѣхъ, тутъ же у гроба, исцѣдился отъ своей болѣзни.

Ради исцѣленія болѣзней, кромѣ служенія панихиды, берутъ съ могилы блаженнаго Герасима песокъ и пьютъ съ него воду, или же прикладываютъ этотъ песокъ къ больнымъ мѣстамъ, какъ о томъ свидѣлствуетъ слѣдующій дѣсьменно удостовѣренный фактъ. Въ 1859 году, 6-го марта, жена маіора Наталія Ѳеодоровна Жукова заявила архимандриту Нифонту слѣдующее: „Я, маіорша Жукова, прошлаго генваря сего года отчаянно была больна горячкою и чрезъ

¹⁾ Статистич. опис. Краснослоб. мон. архим. Нифонта въ 1856-мъ году.

²⁾ По свидѣтельству бывшаго Вьяской пустыни игуменомъ іеромонаха Кипріана, который находится нынѣ на покой въ краснослоб. Спасскомъ монастырѣ.

вычайнымъ колотьемъ въ лѣвомъ боку, такъ что едва могла духъ переводить, и притомъ 12-ть сутокъ страдала безсонницей. Въ каковой болѣзни отъ врачей *) безотрадно лѣкарства употребляла и была уже въ отчаянномъ положеніи. А какъ я прежде болѣзни имѣла усердіе къ монастырскому образу Казанскія Божія Матери и къ іеросхимонаху Герасиму, въ склепѣ коего, при служеніи надъ нимъ панихиды, брала внутри памятника песокъ, то и вспомнила о томъ, въ болѣзненномъ моемъ положеніи, и приказала, находящейся при мнѣ дѣвицѣ, подать этотъ песокъ, посыпать мнѣ на голову и потереть больной бокъ. По исполненіи сего моего приказанія, я въ ту же минуту заснула вѣрчайшимъ сномъ, и сдѣлалась со мной чрезвычайная испарина; послѣ того, проснувшись, я почувствовала какъ въ головѣ, такъ и въ боку облегченіе отъ болѣзни. Поблагодаря Господа Бога, опять нѣсколько забылась и была, можно сказать, въ полусоніи; вдругъ открыла глаза и увидѣла стоявшихъ у кровати моей двухъ въ мантияхъ монаховъ, изъ коихъ одинъ похожъ былъ на портретъ о. Герасима; они поговорили что-то между собою и благословили меня. Съ того времени я, слава Богу, вскорѣ выздоровѣла; и теперь, возблагодаривъ Божию Матерь и отслуживъ панихиду по іеросхимонахѣ Герасимѣ, сочла за необходимое засвидѣтельствовать о семъ письменно и устно предъ монастырскимъ начальствомъ“.

Вѣроятно, можно было бы привести много и другихъ подобныхъ случаевъ благодатной помощи, истекавшей отъ гроба блаженнаго Герасима, если бы монастырское начальство слѣдило за такими фактами, PROVѣряло ихъ и вело имъ запись.

*) Въ Краснослободскѣ, въ то время, во врачахъ недостатка не было, потому что квартировалъ Углицкій полкъ.

Къ сожалѣнію, этого сдѣлано не было, и потому, кромѣ неопредѣленныхъ слуховъ о бывающихъ исцѣленіяхъ, мы ничего болѣе привести не можемъ. Впрочемъ, это отсутствіе официальныхъ документовъ и удостовѣренныхъ свидѣтельствъ о чудесахъ, совершающихся при гробѣ блаженнаго Герасима, не умаляетъ его значенія въ глазахъ народа, который не престаётъ съ вѣрою и любовію стекаться къ его гробу,—ради исцѣленія въ своихъ недугахъ,—и окружать уваженіемъ память блаженнаго старца, внося его имя въ свои помпальныя записи.

Уже одинъ этотъ фактъ—всеобщаго уваженія къ памяти и останкамъ Герасима,—уваженія, п режившаго цѣлыхъ два столѣтія,—само по себѣ составляетъ необыкновенное чудо. Много-ли людей, на самомъ дѣлѣ, пользуются у насъ столь продолжительною памятію и всеобщимъ, со стороны народной массы, уваженіемъ какъ сей блаженный старецъ—смиренный инокъ Герасимъ.

Въ настоящее время рѣдкій богомолецъ уходитъ изъ Спасскаго монастыря, не отслуживъ панихиды надъ гробомъ схимонаха Герасима; многіе уносятъ съ собою горсть песку съ его могилы, искренно вѣруя, что по молитвамъ почившаго подвижника и самый прахъ, въ которомъ покоится его многотрудное тѣло, обладаетъ цѣлебною силою... Столь велика въ народѣ вѣра въ заслуги предъ Богомъ почившаго старца.

Уѣздный врачъ Григорій Петерсонъ,

Правила, какія необходимо соблюдать для успѣшнаго веденія бесѣдъ съ молоканами.

Молокане, какъ и всѣ сектанты-раціоналисты, признають за единственный источникъ христіанскаго вѣроученія свя-

щенное Писаніе, отвергая при этомъ священное Преданіе, имѣющее будто-бы человѣческое, а небожественное происхожденіе и потому будто-бы содержащее въ себѣ противное Богу и священному Писанію. Изъ такого ихъ взгляда на священное Преданіе истекають и всѣ остальные заблужденія, какъ-то: отверженіе іерархіи, таинствъ, почитанія священныхъ иконъ и мощей, и вообще всей внѣшней, обрядовой стороны религіи. Молокане обыкновенно говорятъ, будто-бы священное Писаніе не только не подтверждаетъ мысли о необходимости внѣшней стороны религіи, но даже прямо отвергаетъ эту мысль. Къ такому заключенію изъ чтенія священнаго Писанія сектанты приходятъ въ силу того, что они предоставляютъ каждому право понимать и изъяснять священное Писаніе по своему личному разумѣнію, т. е. признають человѣческой разумъ единственнымъ руководительнымъ началомъ при пониманіи его. Такое положеніе дѣла ведетъ къ полнѣйшему произволу при пониманіи священнаго Писанія, въ силу чего сектанты видятъ въ свидѣтельствахъ священнаго Писанія совсѣмъ не тотъ смыслъ, который въ нихъ заключается на самомъ дѣлѣ. Въ виду этого на собесѣдованіяхъ съ молоканами необходимо прежде всего разяснить сектантамъ, что священное Писаніе нельзя считать единственнымъ источникомъ христіанскаго вѣроученія, что на ряду съ священнымъ Писаніемъ въ качествѣ такого источника должно признавать еще и священное Преданіе, которое имѣетъ такое же божественное происхожденіе, какъ и священное Писаніе, и безъ котораго послѣднее не можетъ быть понято и усвоено въ дѣйствительномъ его смыслѣ. Надлежащее разясненіе этого положенія въ значительной степени облегчитъ собесѣднику трудъ при дальнѣйшемъ разборѣ вѣроученія сектантовъ и такимъ образомъ послужитъ прочнымъ основаніемъ для дальнѣй-

шихъ бесѣдъ съ ними. Если на первыхъ же порахъ собесѣдникъ выяснитъ сектантамъ мысль о значеніи священнаго Преданія, какъ и обходимаго источника христіанскаго вѣроученія и руководительнаго начала при чтеніи и пониманіи священнаго Писанія, то этимъ самымъ онъ отниметъ у сектантовъ возможность искажать священное Писаніе, а вмѣстѣ съ этою возможностью и основаніе для отверженія ими божественнаго происхожденія іерархіи православной Церкви и значеніи всей обрядовой стороны христіанской религіи. Въ виду такого значенія вопроса о священномъ Преданіи мы считаемъ нужнымъ разобрать этотъ вопросъ болѣе подробно и указать при этомъ тотъ путь, которымъ собесѣдникъ можетъ привести сектантовъ къ признанію мысли о необходимости священнаго Преданія, какъ источника христіанскаго вѣроученія и руководительнаго начала при чтеніи и пониманіи священнаго Писанія.— Что касается самихъ пріемовъ или способовъ раскрытія истинности православной Церкви и ложности сектантскаго вѣроученія, то въ данномъ случаѣ, конечно, прежде всего должно основываться на священномъ Писаніи; но при этомъ необходимо давать мѣсто и убѣжденіямъ человѣческаго разума, нужно находить основанія для важности и значенія тѣхъ или другихъ требованій православной Церкви, неприкосновенности и необходимости ихъ для всѣхъ христіанъ, на всѣ времена, въ особомъ устройствѣ человѣческой природы, остающейся въ существѣ своемъ всегда одинаковою; необходимо обращать вниманіе сектантовъ на то, что православная Церковь въ своихъ установленіяхъ имѣетъ въ виду именно такое устройство человѣческой природы, а чрезъ это будетъ ясно, что обрядовая сторона Церкви вовсе не выдумана ради корыстныхъ цѣлей, какъ обыкновенно говорятъ сектанты, а составляетъ одну изъ высшихъ потребностей человѣческой природы во внѣшнихъ формахъ для религіозно-нравственной своей жизни,

бевъ которыхъ и послѣдняя не можетъ ни проявляться, ни существовать соотвѣтственно высшимъ стремленіямъ и назначенію человѣка; это такая же потребность для религіозно-нравственной жизни человѣка, какъ и потребность въ формѣ слова для существованія и проявленія мысли человѣка.

Итакъ, приступая къ бесѣдѣ съ молоканами о значеніи священнаго Преданія, собесѣдникъ предлагаетъ сектантамъ обратить вниманіе на то затруднительное положеніе, въ которомъ имъ придется оказаться въ томъ случаѣ, если они пожелаютъ склонить ко вступленію въ ихъ общество человѣка еще не просвѣщеннаго христіанскою вѣрою. Выслушавъ отъ нихъ, въ кого и какъ слѣдуетъ вѣровать и какъ нужно жить, и для чего все это нужно, такой человѣкъ можетъ спросить ихъ: откуда они все это знаютъ? Они, конечно, дадутъ ему Библію, чтобы онъ прочиталъ ее. Прочитавъ, онъ спроситъ ихъ: давно ли написана эта книга и на какомъ первоначально языкѣ? Если сектанты дадутъ на это отвѣтъ, то онъ опять спроситъ ихъ: почему и откуда имъ это извѣстно, такъ-какъ при написаніи священныхъ книгъ ихъ не было. На это сектанты будутъ уже не въ состояніи ничего отвѣтить. Тогда онъ спроситъ ихъ: кто написалъ эти книги и почему слѣдуетъ вѣрить тому, что въ нихъ содержится? Сектанты скажутъ, кто написалъ и какимъ образомъ, и при этомъ скажутъ, что Библія есть слово Божіе. Тогда онъ опять спроситъ ихъ: откуда они это знаютъ, такъ-какъ писатели этихъ книгъ жили далеко раньше ихъ. Въ данномъ случаѣ сектанты только и могутъ сослаться на свидѣтельства самого же священнаго Писанія; но эти свидѣтельства не убѣдительны для такого человѣка; онъ скажетъ, что такіа свидѣтельства не могутъ имѣть здѣсь значенія, потому что это свидѣтельства самого Писанія о самомъ же себѣ: всякому свойственно хвалить дѣло

рукъ своихъ, поэтому здѣсь должны быть свидѣтельства вѣщія. Наконецъ, онъ спроситъ ихъ говоря: много въ этой книгѣ (Библии) непонятнаго: кто можетъ объяснить это непонятное и какъ узнать, что онъ будетъ толковать правильно, а не извратить мысли писателя? Сектанты на этотъ вопросъ только и могутъ сказать, что читающій и толкующій Библию находится подъ непосредственнымъ руководствомъ Святаго Духа *). Но всѣ ли читающіе ее, спроситъ онъ, будутъ толковать ее одинаково, а если не всѣ, то какъ узнать, кто толкуетъ правильно и кто ложно? На всѣ эти вопросы сектанты не въ состояніи будутъ дать удовлетворительные отвѣты, такъ-какъ у нихъ нѣтъ основанія, источника для этого: они его отвергли.

Если въ отвѣтъ на указанныя здѣсь разъясненія сектанты замѣтятъ, что съ невѣрующимъ вообще трудно говорить о вѣрѣ, то тогда собесѣднику слѣдуетъ выяснить сектантамъ, что они не могутъ избѣжать указанныхъ затрудненій и въ разговорѣ съ человѣкомъ вѣрующимъ. Въ самомъ дѣлѣ, сектанты, отрицая при употребленіи священнаго Писанія священное Преданіе, основываются на надеждѣ на непосредственное руководство Самого Святаго Духа, руководившаго пророковъ и апостоловъ при написаніи священнаго Писанія. Для оправданія этого пункта своего ученія молокане ссылаются на свидѣтельства священнаго Писанія. Въ немъ, дѣйствительно, есть не мало такихъ мѣстъ, прямо указывающихъ на особенныя дѣйствія на человѣка Святаго Духа, руководящаго, наставляющаго и вразумляющаго его при усвоеніи и познаніи вѣчныхъ божественныхъ истинъ и сокровенныхъ тайнъ. Ихъ можно находить и въ ветхомъ и

*) Эта мысль составляетъ одинъ изъ пунктовъ вѣроученія молоканъ.

новомъ Завѣтѣ. Но при этомъ извѣстно, что св. Писаніе учитъ христіанъ, чтобы они принимали слово Божіе не безразсудно и легкомысленно, но съ разумѣніемъ, чего молокане совершенно не выполняютъ.—Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что такихъ благодатныхъ дѣйствій Св. Духа удостоивались люди какъ въ ветхомъ Завѣтѣ, такъ и въ новомъ. Такія дѣйствія въ особенности необходимы были въ то время, когда истинно-вѣрующіе были окружены нечѣмъ и всевозможными заблужденіями, когда вѣчныя, божественныя истины и сокровенныя тайны проповѣдуемы были людямъ въ первый разъ, которыхъ раньше никто не слыжалъ: поэтому безъ такихъ благодатныхъ дѣйствій Св. Духа эти истины и тайны, при грѣховности и испорченности людей, могли бы совсѣмъ омрачиться и исчезнуть, что мы и видимъ въ средѣ языческихъ народовъ, людей невѣрующихъ или заблуждающихся относительно этихъ истинъ. Безъ божественной помощи высочайшее новозавѣтное ученіе, проповѣданное Спасителемъ и Его апостолами, никакъ не могло бы быть принято и усвоено людьми омраченными, съ одной стороны, язычествомъ, съ другой—плотскимъ іудействомъ (1 Кор. I, 22—24; Іоан. IV, 12; Мѣ. VI, 16—17). Безъ этой же помощи, это ученіе, уже проповѣданное, никакъ не могло бы сохраниться въ цѣлости и неповрежденности и въ такомъ видѣ дойти до насъ, когда люди желали воспринимать и усвоить его не однимъ только сердцемъ, но и разумомъ и когда, въ силу этого, явились различныя заблужденія. Въ силу обѣтованія нашего Спасителя (Мѣ. XXVIII, 20; Іоан. XIV, 16, 26) эта же божественная помощь, никогда не оставлявшая святую Церковь, подается въ ней христіанамъ и теперь. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли то, что если Св. Духъ руководитъ и наставляетъ христіанъ и теперь, то будто бы вовсе и нѣтъ

нужды, кромѣ священнаго Писанія, еще въ другомъ руководителѣ,—и нужно только надѣяться, что Св Духъ вновь будетъ наставлять христіанъ, какъ Онъ наставлялъ апостоловъ и пророковъ?—Но не будетъ ли это дерзостію со стороны человѣка, напраснымъ искушеніемъ Бога, подобнымъ тому, какое отвергъ Спаситель въ лицѣ искушавшаго Его діавола, и отъ котораго слово Божіе предостерегаетъ христіанъ (Лук. IV, 12; 1 Кор. X, 9)? Такая надежда нисколько не лучше той, какъ если бы кто, основываясь на свидѣтельствахъ священнаго Писанія, что Богъ о всякомъ человѣкѣ имѣетъ особенное промышленіе во всѣхъ случаяхъ его жизни и дѣятельности (1 Тим. VI, 17; 1 Петр. V, 7; Ис. CXX, 2; Мѡ. V, 45; VI, 26; XXVIII, 30), сталъ бы учить, что человѣкъ вовсе не долженъ о себѣ заботиться, не долженъ имѣть вовсе никакихъ внѣшнихъ средствъ для своего самосохраненія, надѣясь на то, что Богъ промышляетъ о человѣкѣ. Но эта мысль, какъ согласятся и сами сектанты, есть дерзкое упованіе на Бога; есть напрасное искушеніе Его, такъ-какъ св. Писаніе осуждаетъ лѣнливыхъ, безпечныхъ (Мѡ. XXV, 26; 2 Тим. II, 6; Еф. V, 29; 2 Сол. III, 10),—значить, несмотря на явныя указанія священнаго Писанія о промыслѣ Божіемъ, все-таки человѣкъ долженъ имѣть различныя внѣшнія средства для поддержанія и устройства своей жизни. То же самое нужно замѣтить и по отношенію къ ученію священнаго Писанія о благодатныхъ дѣйствіяхъ св. Духа на христіанъ при усвоеніи ими истинъ вѣры: хотя и есть въ немъ указанія на это, однако это тоже будетъ дерзостію и напраснымъ искушеніемъ Бога со стороны христіанина, когда онъ при этомъ будетъ надѣяться на то, что св. Духъ вновь будетъ его наставлять, какъ наставлялъ пророковъ и апостоловъ. Въ новыхъ божественныхъ откровеніяхъ теперь уже нѣтъ нужды: все необходимое человѣку для спасенія апостолы открыли въ своихъ

писаніяхъ и посредствомъ устной проповѣди; поэтому благодатныя дѣйствія св. Духа теперь касаются только руководства вѣрующихъ въ сохраненіи преданнаго. И апостолы завѣщали не новыхъ откровеній дожидаться, а пользоваться тѣмъ, что открыто людямъ. Поэтому въ томъ же св. Писаніи, кромѣ указаній на св. Духа, какъ руководителя и наставника вѣрующихъ, находимъ еще не мало указаній и на Преданіе, изъ которыхъ видно, что нѣкоторые изъ апостоловъ даже сами руководились преданіемъ (Лк. I, 1); ап. Павелъ завѣщаль твердо держаться преданія (2 Сол. II, 15; 1 Тим. VI, 20—21; 2 Тим. I, 13—14),—и на него онъ указывалъ, какъ на руководство для отличія истиннаго ученія отъ ложнаго (2 Сол. III, 6; Тит. I, 9),—завѣщаль передавать его другимъ (2 Тим, II, 2),—и христіане дѣйствительно такъ и поступали, за что апостолъ похваляетъ ихъ (1 Кор. XI, 2). Понятно, конечно, что молокане имѣють нужду въ особыхъ наставленіяхъ отъ Св. Духа при чтеніи и толкованіи священнаго Писанія, гдѣ одинъ только разумъ человѣческій бесплещъ и, кромѣ заблужденій, ничего здѣсь не сообщитъ человѣку. Но не довольствуясь св. Преданіемъ, даже положительно отрицая необходимость его здѣсь, вопреки ясному и прямому ученію святыхъ апостоловъ, и требуя себѣ новыхъ откровеній, они не замѣчаютъ, что чрезъ это они становятся по отношенію къ апостоламъ въ положеніе фарисеевъ и книжниковъ, не довольствовавшихся дѣлами І. Христа, отрицавшихъ ихъ чудесность и божественность и требовавшихъ отъ Него новыхъ, высшихъ чудесъ для доказательства того, что І. Христосъ—Мессія, Сынъ Божій. Не также ли поступаютъ и молокане по отношенію къ священному Преданію? Апостолы прямо и ясно говорили о важности и необходимости Преданія, и христіане строго его держали, за что по-

лучали похвалы отъ нихъ,—въ противномъ случаѣ, если бы не было нужды въ немъ для вѣрующихъ, то, понятно, апостолы не дали бы такихъ заповѣдей и христіане никогда бы не держались его такъ строго. А между тѣмъ молокане не довольствуются имъ и даже совсѣмъ отрицаютъ его важность и необходимость для себя, требуя себѣ новыхъ откровеній при чтеніи и толкованіи священнаго Писанія. Не одинаковъ ли этотъ поступокъ сектантовъ съ упомянутымъ поступкомъ фарисеевъ и книжниковъ?!

Сектанты говорятъ, что І. Христосъ и апостолы предостерегали христіанъ отъ преданій (Мѡ. XV, 6; Мр. VII, 13; Кол. II, 8; Мѡ. XV, 3; 1 Тим. I, 4; IV, 7; 2 Петр. I, 16; 2 Тим. I, 4) и что будто бы подъ преданіемъ, о которомъ говоритъ апостоль Павелъ въ своихъ посланіяхъ, слѣдуетъ разумѣть Писаніе. Въ виду этого собесѣднику слѣдуетъ обратить вниманіе сектантовъ на то, что апостолы предостерегали христіанъ и отъ писаній (2 Петр. III, 15—16; 2 Сол. II, 2), однако же сектанты не выводятъ отсюда заключенія, что священное Писаніе не должно служить источникомъ христіанскаго вѣроученія. А если такъ, то несправедливо дѣлать такое заключеніе по отношенію къ священному Преданію. Что же касается того положенія, будто бы подъ словомъ „преданіе“ апостоль Павелъ разумѣетъ въ своихъ посланіяхъ писаніе, то на это собесѣдникъ долженъ выяснитъ сектантамъ, что у нихъ нѣтъ никакого основанія къ такому утвержденію. Смыслъ приведенныхъ текстовъ о преданіи настолько очевиденъ, въ нихъ настолько ясно говорится о преданіи устномъ, что только человѣкъ, намѣренно извращающій истину и желающій ввести въ соблазнъ другихъ, можетъ объяснить здѣсь слово „преданіе“ въ смыслѣ „писанія“. Кромѣ того, чтобы лучше видѣть, какъ должно понимать слово „Преданіе“,

слѣдуетъ обратиться къ первоначальному языку, на которомъ самими апостолами написаны были священныя книги Новаго завѣта. Этотъ первоначальный языкъ есть греческій. Но на этомъ языкѣ приведенные нами тексты говорятъ не о писаніи, о сообщеніи истинъ христіанской вѣры не посредствомъ письма, посланія (γραφή, ἐπιστολή), или, какъ выражается ап. Іоаннъ, „не хартією и черниломъ и тростію“, но именно посредствомъ устнаго слова, „устама къ устама“; притомъ въ этихъ текстахъ разумѣется передача не своего ученія, а полученнаго отъ другого, что и есть преданіе (παράδοσις).

Молокане обыкновенно говорятъ, что св. Преданіе повреждено и имъ потому руководствоваться нельзя. По этому поводу собесѣднику слѣдуетъ спросить сектантовъ: когда могло быть повреждено св. Преданіе? Изъ приведенныхъ мѣстъ св. Писанія видно, что оно получило свое начало отъ самихъ апостоловъ и потому есть слово Божіе, какъ и св. Писаніе. Итакъ, если оно повреждено, то когда это произошло: при самихъ апостолахъ или послѣ нихъ? Если сектанты скажутъ, что это поврежденіе произошло при самихъ апостолахъ, тогда слѣдуетъ спросить ихъ: зачѣмъ же апостолы въ такомъ случаѣ заповѣдуютъ христіанамъ держаться Преданія? На этотъ вопросъ сектанты, конечно, не въ состояніи будутъ дать сколько нибудь удовлетворительный отвѣтъ. Если же сектанты скажутъ, что это поврежденіе произошло послѣ апостоловъ, тогда слѣдуетъ спросить ихъ: кѣмъ и когда совершенно это поврежденіе, и какъ оно могло произойти? И отчего же священное Писаніе не могло подвергнуться той же участи, т. е. быть поврежденнымъ, а считается сектантами словомъ Божіимъ, чистымъ, неповрежденнымъ? На эти вопросы сектанты также не въ состояніи будутъ удовлетворительно отвѣтить. Въ

самомъ дѣлѣ, св. Писаніе въ такомъ видѣ и составѣ, въ какомъ оно употребляется у христіанъ теперь, явилось не во времена апостоловъ, но значительно позже нихъ; когда въ средѣ христіанъ появилось множество еретическихъ книгъ, псѣдныхъ, выдававшихся съ именами апостоловъ, тогда только было сдѣлано настоящее собраніе новозавѣтныхъ книгъ и именно на основаніи священнаго Преданія. Въ виду этого молокане поступаютъ вполнѣ несправедливо, признавая неповрежденнымъ только священное Писаніе и отрицая неповрежденность священнаго Преданія.

Послѣ этого собесѣднику слѣдуетъ выяснитъ сектантамъ то положеніе, что они самообольщаются, полагая, что при чтеніи и толкованіи св. Писанія они руководствуются непосредственными наставленіями Св. Духа. Въ самомъ дѣлѣ, православная Церковь, твердо держась апостольскаго завѣщанія, о которомъ мы говорили выше, и потому имѣя такое вѣрное руководство, каково св. Преданіе, всегда можетъ указать, гдѣ одно только человѣческое ученіе и гдѣ истинное Христово и апостольское. Но молокане какъ могутъ узнать это и отличить истину отъ заблужденія? Всякій изъ нихъ пророковъ по произволу можетъ выдавать (какъ и поступаютъ нерѣдко сектанты) собственные бредни за вдохновенія отъ Духа Святаго, усиливаясь при этомъ нагло подтверждать свои мечтанія текстами библейскими. Эти люди собственнымъ опытомъ совершенно обличаютъ несправедливость того, что проповѣдуютъ: нѣтъ сомнѣнія, что Духъ Святой, какъ духъ истины, не можетъ Самъ Себѣ противорѣчить: между тѣмъ исторія молоканства свидѣтельствуешь, что сектанты, утверждая, якобы они объясняютъ св. Писаніе по руководству Св. Духа, до крайности разногласятъ между собою; и нерѣдко то, что одинъ изъ нихъ выдаетъ за истину, другой отвергаетъ, какъ заблужденіе.

Явный знакъ, что они руководятся не Духомъ Святымъ, а собственнымъ разумомъ, своими частными убѣжденіями и цѣлями. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить и то, что, предавшись исключительно этому началу, т. е. надеждѣ на непосредственное руководство Св. Духа, легко дойти до совершеннаго отрицанія Св. Писанія. Въ самомъ дѣлѣ, если Самъ Св. Духъ внутренне учитъ насъ истинѣ, необходимой для спасенія, то на что намъ тогда внѣшнее пособіе Библіи? Такъ это дѣйствительно и случилось съ духоборцами, которые признаютъ за единственный источникъ истины внутреннее откровеніе Бога Слова, живущаго будто бы въ сердцахъ духоборцевъ. При этомъ собесѣднику слѣдуетъ замѣтить, что указаннымъ разъясненіемъ вовсе не отвергается необходимость для христіанина содѣйствія, вразумленія и наставленія отъ Духа Святаго (1 Іоан. II, 27) при усвоеніи откровеннаго ученія, а утверждается только то положеніе, что внутреннее озареніе отъ Духа Святаго, будучи принято за исключительное начало при пониманіи св. Писанія, по вышеизложеннымъ причинамъ недостаточно для цѣли. Но и помимо злоупотребленій, когда, подъ вліяніемъ личныхъ страстей, завѣдомо свои личныя толкованія выдаютъ за внушенія Св. Духа,—помимо, говоримъ, этого здѣсь возможно полное самообольщеніе, когда толкованія своего собственнаго разума тѣхъ или другихъ мѣстъ библейскихъ сами признаютъ за внушенія отъ Св. Духа и въ этомъ искренно бываютъ убѣждены. Все это ясно говоритъ за то, что какъ сами толкователи св. Писанія, такъ и ихъ послѣдователи должны имѣть внѣшнее, наглядное, убѣдительное свидѣтельство того, что какъ тѣ, такъ и другіе здѣсь не обманываются, что первые, при объясненіи св. Писанія, дѣйствительно руководствуются Св. Духомъ, а не личнымъ разумомъ и внутренними рас-

положеніями. Но чѣмъ же молокане могутъ убѣдить себя и другихъ въ этомъ случаѣ? І. Христосъ съ своими апостолами не считалъ достаточнымъ проповѣдывать свое ученіе, но находилъ необходимымъ при этомъ представлять вышнія свидѣтельства его истинности. Онъ даже вотъ что говорилъ: „если Я свидѣтельствую о Себѣ, то свидѣтельство Мое не есть истина. Есть другой, свидѣтельствующій о Мнѣ“ (Іоан. V, 31—32). Въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: „если Я не творю дѣлъ Отца Моего, не вѣрьте Мнѣ. А если творю: то, когда не вѣрите Мнѣ, вѣрьте дѣламъ Моимъ, чтобы узнать и повѣрить, что Отецъ во Мнѣ и Я въ Немъ“ (Іоан. X, 37—38; XIV, 11; VIII, 13—17; 3 Іоан. 12 ст.; Рим. XV, 18—19). Такъ поступалъ І. Христосъ, Богочеловѣкъ; тѣмъ болѣе отъ молоканъ всякій имѣетъ право требовать здѣсь оправданій. Но чѣмъ они убѣждаютъ себя и другихъ въ томъ, что они обясняютъ св. Писаніе подъ руководствомъ Св. Духа, что ихъ толкованія не дѣло только ихъ собственнаго разума, а внушенія отъ Св. Духа, и значить не ложны, а истинны? Ничѣмъ,—такъ какъ чудесныхъ знаменій они не представляютъ въ этомъ случаѣ, голоса съ неба объ истинности ихъ толкованій тоже нѣтъ. Поэтому, при раздѣленіи молоканства на секты, никто изъ противниковъ ни разу не убѣдилъ другого въ заблужденіи; а просто, какъ обыкновенно бываетъ между людьми въ дѣлахъ мірскихъ, не согласились во мнѣніяхъ и разошлись...

Послѣ этого собесѣднику слѣдуетъ выяснить сектантамъ, что чрезъ отрицаніе св. Преданія они лишаютъ себя самаго главнаго средства для доказательства богодухновенности св. Писанія. Отрицая св. Преданіе и основываясь въ признаніи богодухновенности св. Писанія только на однихъ свидѣтельствахъ самого же св. Писанія, они утверждаютъ этотъ основной взглядъ на зыбкихъ, шаткихъ основаніяхъ,

имѣющихъ свою силу и значеніе только для людей, уже убѣжденных въ этомъ. Эти основанія, хотя и указываютъ на богодухновенность св. Писанія, но далеко не ограждаютъ его отъ притязаній человѣческаго разума на подчиненіе его своему произволу. Нужно замѣтить, что христіанская вѣра есть великая истина, касающаяся самыхъ насущныхъ, самыхъ высшихъ потребностей жизни и дѣятельности, выше и главнѣе которыхъ для него нѣтъ ничего и не должно быть. Поэтому для вѣрующихъ, для воспринимающихъ ее она должна быть свѣтомъ; она должна представляться имъ твердою, несомнѣнною истинною, особенно со стороны своихъ основаній, на которыхъ она утверждается, какъ истина, и ради которыхъ она принимается человѣкомъ, какъ именно такая. Поэтому доказательства богодухновенности св. Писанія, признаваемого своимъ Божиимъ, должны быть прочны, тверды, непоколебимы, не оставляющія мѣста никакому сомнѣнію и колебанію, потому что на этомъ утверждается вся христіанская вѣра, такъ что если богодухновенность св. Писанія не будетъ имѣть такихъ основаній, то и вся вѣра наша не будетъ имѣть этого, такъ какъ она вся основывается на св. Писаніи. А въ доказательствахъ, приводимыхъ молоканами въ подтвержденіе указанной истины, этого-то и нѣтъ. Вѣрно, конечно, то, что св. Писаніе не разъ свидѣтельствуетъ о самомъ себѣ, какъ о словѣ Божіемъ. Но вѣрно и то, что такихъ свидѣтельствъ можно найти въ немъ не о всѣхъ книгахъ св. Писанія, а только о нѣкоторыхъ. Правда, есть и такія общія выраженія: „все св. Писаніе богодухновенно“ (2 Тим. III, 16),—но что же здѣсь должно разумѣть подъ словомъ „все“—въ томъ ли его видѣ и объемѣ, въ какомъ оно нами признается, или же больше или меньше, —объ этомъ здѣсь ничего ни говорится,—и молокане не имѣютъ поэтому никакого права на основа-

ніи этого свидѣтельства утверждать, что всѣ книги св. Писанія богодухновенны. Это ясно указываетъ на необходимость для христіанина, кромѣ св. Писанія, другого вѣшняго руководства, которое поставило бы его въ должное отношеніе къ св. Писанію, утвердило бы его цѣлость и неприкосновенность, его авторитетность, какъ слова Божіи. Но такъ какъ молокане отрицають такое руководство, то мы и видимъ, что хотя они и признають св. Писаніе богодухновеннымъ, непогрѣшимымъ, въ которомъ все авторитетно, обязательно для христіанъ, но только это бываетъ на словахъ, а на самомъ дѣлѣ они обращаются съ нимъ хуже, чѣмъ съ обыкновеннымъ произведеніемъ человѣческаго ума: у нихъ каждый пользуется имъ и толкуетъ его по своему произволу, выбираетъ въ немъ такія мѣста, которыя ему правятся, и потому отрицаетъ многое такое, что составляетъ иногда существо христіанской вѣры и на что есть прямые указанія въ томъ-же Писаніи, на которыя сектанты не обращаютъ вниманія. Такимъ образомъ, св. Преданіе совершенно необходимо каждому истинному христіанину для убѣжденія себя въ истинности и богодухновенности св. Писанія, для установленія авторитетности и неприкосновенности его со стороны человѣческаго разума, для установленія должныхъ къ нему отношеній со стороны всякаго, пользующагося имъ.

Что св. Писаніе не единственный источникъ вѣры и жизни христіанина, но что, кромѣ св. Писанія, всякому истинному христіанину необходимо имѣть еще другой такой же источникъ—св. Преданіе, это окрывается изъ первоначальной исторіи распространенія христіанства и изъ многихъ указаній самого же св. Писанія. Господь нашъ Іисусъ Христосъ для сообщенія своего ученія людямъ избралъ устное, живое слово. Затѣмъ, по сошествіи Св. Духа, согласно заповѣди

своего божественнаго Учителя, дѣло спасенія человѣка продолжаютъ Его апостолы, которые точно такимъ же образомъ, посредствомъ устнаго слова, распространяють Его ученіе; такъ было почти въ продолженіе десяти лѣтъ. Въ это время повсюду основываются ими Церкви, въ которыхъ единственнымъ источникомъ вѣры и жизни христіанъ служить Преданіе устное. Нѣкоторые изъ апостоловъ, какъ Андрей, Филиппъ, Тома и др., посвятившіе всю свою жизнь дѣлу своего божественнаго Учителя, не оставили послѣ себя даже никакого письменнаго памятника своей проповѣднической дѣятельности. Да и тѣ изъ апостоловъ, которые излагали ученіе Спасителя въ письменахъ, вовсе не думали чрезъ это замѣнить устное преданіе; напротивъ, они всегда предпочитали устную проповѣдь письменному изложенію ученія христіанскаго. И писанія ихъ являлись не вслѣдствіе того, чтобы они находили устное преданіе непригоднымъ въ качествѣ источника вѣры и жизни христіанъ, но вслѣдствіе появленія лжеучителей, перетолковывавшихъ преданное апостолами устно ученіе Спасителя, для обличенія которыхъ они сами иногда не могли лично явиться. Поэтому въ своихъ писаніяхъ апостолы излагають ученіе Христа Спасителя кратко, сжато; въ нихъ они касаются только тѣхъ предметовъ, которые подвергались искаженію, перетолкованію лжеучителей,—излагали только общія мысли того, что они прежде болѣе пространно раскрывали посредствомъ устной проповѣди и что христіане содержали въ устномъ преданіи.

Отъ этого главнымъ образомъ св. Писаніе является для насъ во многихъ мѣстахъ темнымъ,—въ немъ мы находимъ многое недосказаннымъ и требующимъ объясненій, дополненій, а иногда оно представляется, повидимому, противорѣчащимъ себѣ. Поэтому апостолы въ своихъ писаніяхъ не

разъ говорятъ о неполнотѣ ихъ, завѣщаютъ христіанамъ строго держаться Преданія, сообщеннаго имъ посредствомъ устной проповѣди, имѣть его въ качествѣ руководства въ вѣрѣ и жизни, и въ случаяхъ распознаванія истины отъ лжи. Такъ, св. Лука начинаетъ свое евангеліе такимъ предисловіемъ: „какъ уже многіе начали составлять повѣствованія о совершенно извѣстныхъ между нами событіяхъ, какъ предали намъ то бывшіе съ самаго начала очевидцами и служителями Слова; то разсудилось и мнѣ, по тщательномъ изслѣдованіи всего сначала, по порядку описать тебѣ, достопочтенный Феофилъ, чтобы ты узналъ твердое основаніе того ученія, въ которомъ былъ наставленъ“ (Лк. I. 1—4). А Іоаннъ Богословъ свое евангеліе оканчиваетъ слѣдующими словами: „многое и другое сотворилъ Іисусъ; но если бы писать о томъ подробно, то, думаю, и самому міру не вмѣститъ бы написанныхъ книгъ“ (XXI, 25). Изъ этого видно, что Евангеліе, напр., Луки написано на основаніи апостольскаго преданія, существовавшего тогда среди христіанъ. Но при этомъ даже и всѣ четыре евангелія далеко не обнимаютъ всего ученія І. Христа, Его жизни и дѣятельности и многого такого, что христіанамъ знати не только не излишне, но весьма важно и даже необходимо. Напр., о жизни Пресвятой Дѣвы Маріи до рожденія І. Христа и послѣ изъ св. Писанія очень мало извѣстно.

Такая же неполнота замѣчается и въ посланіяхъ апостольскихъ. И это именно вслѣдствіе того, что апостолы вовсе не имѣли въ виду изъ св. Писанія дѣлать единственный источникъ вѣры и жизни христіанина; въ противномъ случаѣ они о преданіи ничего бы и не говорили, и ученіе Христово распространяли бы не устно, а посредствомъ писаній, въ которыхъ позаботились бы изложить все ученіе Христово, и для этого имъ пришлось бы

написать безчисленное множество книгъ, которыя они собрали бы сами при своей жизни, чего они вовсе не сдѣлали. Нѣтъ, апостолы никогда не признавали св. Писанія единственнымъ источникомъ вѣры и жизни христіанина, такъ-какъ они знали, что во Христа увѣруютъ не только люди ученые, но и вовсе неграмотные, не умѣющіе читать, и что вѣра христіанская не могла бы сохраниться въ чистотѣ и неповрежденности при одномъ только писанномъ источникѣ, который, какъ могутъ молокане судить по себѣ, можетъ всегда подвергаться всякимъ перетолкованіямъ и искаженіямъ. Эта вѣра можетъ сохраняться только при двухъ источникахъ—устномъ и письменномъ; въ этомъ заключается самый удобный и надежный способъ распространенія и сохраненія ученія Христова. Въ писаніяхъ апостольскихъ не разъ можно встрѣтить такія выраженія: „бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами училъ каждого изъ васъ“ (Дѣян. XX, 31). Это говорилъ апостолъ Павелъ въ Милетѣ Ефесскимъ пресвитерамъ. Но что же, въ его посланіи къ Ефессянамъ все ли содержится, чему онъ училъ ихъ? Достаточно знать то, что это посланіе состоитъ только изъ шести главъ, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Въ другомъ мѣстѣ, давая наставленія христіанамъ, онъ говоритъ: „прочее устрою, когда приду“ (1 Кор. XI, 34). Точно также поступалъ и Іоаннъ Богословъ: „многое имѣю писать вамъ, но не хочу на бумагѣ чернилами, а надѣюсь прійти къ вамъ и говорить устами къ устами, чтобы радость ваша была полна“ (2 Іоан. 12 ст.). Но гдѣ же все это находится, чему апостолы учили и наставляли христіанъ устами къ устами? Молокане обыкновенно говорятъ, что это намъ знать вовсе не нужно.—Для опроверженія этого положенія собесѣднику слѣдуетъ замѣтить сектантамъ, что, если бы

апостольскія преданія были не нужны Церкви Христовой для спасенія вѣрующихъ, апостолъ Павелъ не далъ бы Солунянамъ повелѣнія держать ихъ (2 Сол. II, 15), не заповѣдалъ бы и Тимоѳею предать ихъ вѣрнымъ человѣкомъ (2 Тим. II, 2). А для большей наглядности въ доказательствѣ необходимости для Церкви апостольскаго преданія слѣдуетъ раскрыть предъ сектантами слѣдующія положенія. Господь на тайной вечери принялъ хлѣбъ и преломилъ; потомъ, приемъ чашу, воздалъ хвалу, и повелѣлъ сіе творить въ Его воспоминаніе (Мѣ. гл. 26, Луки гл. 22); и апостолъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ пишетъ: „чаша благословенія, юже благословляемъ... хлѣбъ, его же ломимъ“ (гл. 10). Указавши на приведенныя здѣсь изреченія св. Писанія, собесѣдникъ спрашиваетъ сектантовъ, какъ дѣлать все это въ Господне воспоминаніе? Какими словами хвалу воздать и благословить, и какъ преломить? Сектанты, конечно, не въ состояніи будутъ отвѣтити на эти вопросы. Тогда собесѣднику слѣдуетъ выяснитъ, что все это нужно совершать такъ, какъ совершали апостолы, самовидцы и участники тайной Господней вечери, наученные Духомъ Святымъ, и какъ они предали совершать своимъ намѣстникамъ, по свидѣтельству апостола Павла: „азъ, братіе, пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ“. Пресмыки и намѣстники апостоловъ, принявшіе отъ нихъ чинъ совершенія таинства Евхаристіи, предали его Церкви въ своихъ писаніяхъ. И совершеніе таинства по этому чину благонадежно, безопасно и правильно, какъ согласное апостольскому учрежденію. А если чинъ его совершенія придумывать самимъ, то это будетъ неправильно и не безопасно: тогда каждый сталъ бы придумывать, что можетъ, а это повело бы къ раздорамъ и распрямъ въ Церкви. Книга Дѣяній Апостольскихъ повѣствуетъ, что Павелъ и

Варнава рукополагали для вѣрующихъ пресвитеровъ на вся церкви (гл. XI); а какъ рукополагали, и какъ послѣ нихъ слѣдуетъ возлагать руки, какія молитвы произносить при этомъ, объ этомъ въ св. Писаніи ничего не говорится, а извѣстно только изъ апостольскаго Преданія. Что же,—самимъ ли слѣдуетъ измышлять для этого какія либо дѣйствія и молитвы, или же нужно говорить и дѣлать то, что мы приняли отъ мужей апостольскихъ, по преемству отъ апостоловъ, наставленныхъ Духомъ Святымъ? Апостолъ Іаковъ заповѣдуетъ: „болить ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковныя, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ, во имя Господне“ (гл. V, ст. 14). Итакъ, апостолъ повелѣваетъ сотворить молитву надъ болящимъ и помазать его масломъ во имя Господне, по какую молитву сотворить и какъ помазать масломъ во имя Господне, объ этомъ не пишетъ, и не пишетъ, очевидно, потому, что это было извѣстно вѣрующимъ по словесному отъ него преданію, какъ и о чашѣ благословенія. И намъ должно совершать чинъ таинства Елеосвященія не по своему измышлению, а согласно преданію, отъ апостоловъ наслѣдовавшему.—Итакъ, приемиющимъ свѣтыя евангелія и апостольскія писанія, чтобы исполнять предписанное въ нихъ такъ же, какъ исполняли сами апостолы и ихъ преемники, необходимо должно принимать и неписанныя преданія апостольскія, чрезъ апостольскихъ мужей до насъ дошедшія, а безъ храненія и исполненія этихъ преданій и многое, въ самихъ евангеліяхъ и апостольскихъ посланіяхъ заповѣданное, останется неисполненнымъ, или будетъ исполняемо каждымъ по своему мудрованію,—не такъ, какъ предали исполнять сами апостолы, наученные Духомъ Святымъ, и какъ совершали ихъ преемники.

Велѣдъ за писаніями мужей апостольскихъ молокане

отвергаютъ опредѣленія соборовъ, говоря, что они совершенно излишни для христіанъ. Для опроверженія этого заблужденія собесѣднику слѣдуетъ выяснитъ сектантамъ то положеніе, что нельзя отвергать утвержденное на соборахъ исповѣданіе вѣры, потому что оно согласно апостольскому ученію и остерегаетъ вѣрныхъ отъ еретическаго лжеумудрванія. Въ самомъ дѣлѣ, преемники апостоловъ, епископы, слыша о возникающихъ еретическихъ ученіяхъ, собирались вмѣстѣ со всего міра, т. е. составляли соборы, и священными евангеліями, апостольскими посланіями и ученіями ближайшихъ апостольскихъ преемниковъ обличали еретиковъ, а вѣру святую, проповѣданную апостолами, утверждали. Значить, кто не принимаетъ соборами утвержденного исповѣданія вѣры, тотъ отрицаетъ и апостолами проповѣданное ученіе, а чрезъ то подвергаетъ себя клятвѣ, положенной апостолами на благовѣствующихъ иное благовѣствованіе (Галат. I, 8—9).

Точно также собесѣдникъ можетъ доказать сектантамъ и необходимость исполненія соборныхъ правилъ. Для этого ему нужно поставить на видъ сектантамъ то обстоятельство, что эти правила изложены отцами Церкви не безъ основанія, а по требованію необходимости: иныя къ большому утвержденію проповѣданной апостолами вѣры, иныя къ поддержанію правственности, также согласно апостольскимъ наставленіямъ, иныя для точнѣйшаго исполненія и совершенія таинствъ, какъ о томъ предано опять апостольскими же преемниками; иныя къ поддержанію благочинія церковнаго, во исполненіе заповѣди св. апостола Павла: „вся благообразно и по чину да бываютъ“ (Кор. XIV, 40). Въ виду этого, конечно, лучше послѣдовать уставамъ тѣхъ, которые проповѣдали и утвердили догматы православія, чѣмъ каждому составлять свои собственные, тѣмъ болѣе,

что на соборахъ со всей вселенной собравшіеся пастыри Церкви утверждали то, что издревле, отъ временъ апостольскихъ, по всей вселенной Церковію было соблюдаемо. Если бы то, что они утверждали, не было издревле соблюдаемо всюду въ Церкви Христовой, то со всей вселенной собравшіеся епископы не могли бы утвердить этого единогласно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

О несомѣщеніи законоучительской при гимназіяхъ должности съ должностію приходскаго священника. — Новыя правила относительно заведыванія хозяйственною частію церковей. — Удешевленіе проѣзда до Св. Земли. — Ремесленные классы при церк.-прих. школахъ. — Низшія миссіонерскія училища. — Завѣдываніе школами грамоты. — Пожертвованіе на церк.-прих. школы изъ доходовъ монастыря. — Выдача третяго не въ зачетъ оклада жалованья опредѣленнымъ на законоучительскія должности. — Призывъ духовенства къ дѣятельности въ случаѣ появленія холеры. — Запрещеніе лютеранскихъ миссіонерскихъ праздниковъ. — О непроизводствѣ дознаній и слѣдствій по анонимнымъ письмамъ и доносамъ. — Пересмотръ книгъ для чтенія въ народныхъ школахъ. — Опредѣленія на должность учительницъ. — Прот. А. Е. Агаревъ (некрологъ).

По сообщенію „Нов. Времени“, на дняхъ состоялось слѣдующее распоряженіе по духовному вѣдомству. По случаю пересмотра программъ гимназическаго курса Святѣйшій Синодъ, въ видахъ возможно большей успѣшности преподаванія закона Божія въ гимназіяхъ, постановилъ: 1) на должности законоучителей въ гимназіи впредь не опредѣлять лицъ, состоящихъ священниками при церквахъ приходскихъ, или при церквахъ благотворительныхъ учрежденій, 2) лицъ, совмѣщающихъ нѣмѣ съ званіемъ законоучителя, должности священниковъ при упомянутыхъ церквахъ, оставить законоучителями лишь до выслуги установленныхъ по сему званію пенсій и 3) предоставить спархіяльнымъ преосвященнымъ опредѣляемыхъ въ законоучи-

тели гимназій, при коихъ не имѣется церковей, причислить къ собору или къ ближайшей приходской церкви безъ права участія въ причтовыхъ доходахъ.

— Та же газета сообщаетъ, что въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Св. Синодъ утвердилъ выработанный Оберъ-Прокуроромъ Синода К. П. Побѣдоносцевымъ проектъ правилъ о порядкѣ управленія хозяйственною частью въ церквахъ имперіи. Согласно новымъ правиламъ, при всѣхъ церквахъ учреждаются приходскіе совѣты, которые и будутъ завѣдывать хозяйственною частью церковей. Члены совѣта избираются прихожанами на три года, за исключеніемъ предсѣдателя совѣта, которымъ безсмѣнно состоитъ настоятель церкви. На церковныхъ старостъ возлагается исполненіе распоряженій и постановленій приходскихъ совѣтовъ. При всякихъ новыхъ сооруженіяхъ, ремонтъ церковнаго имущества и другихъ работахъ смѣты составляются и утверждаются совѣтомъ, а самыя работы производятся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ не менѣе трехъ членовъ совѣта. Общее число членовъ послѣднихъ зависитъ отъ величины прихода, но должно быть не менѣе пяти и не болѣе двѣнадцати, считая въ томъ числѣ и предсѣдателя.

— Православному Палестинскому Обществу, послѣ успешныхъ хлопотъ съ разными обществами желѣзныхъ дорогъ и пароходовладѣльцами, удалось удешевить проѣздъ до Св. Земли за возможно низкую плату. Продажа удешевленныхъ книжекъ на проѣздъ до Яффы идетъ весьма быстро, особенно въ послѣднее время. Для избѣжанія подѣлокъ и подлоговъ паломническихъ книжекъ со стороны Общества приняты всѣ мѣры.

— По сообщенію „Нов. Вр.“, Св. Синодъ предложилъ епархіальнымъ начальствамъ внутреннихъ губерній изыскать

мѣры къ тому, чтобы съ начала будущаго учебнаго года при главнѣйшихъ церковно-приходскихъ школахъ были открыты спеціальныя ремесленные классы, причемъ на первое время въ этихъ классахъ ученики должны обучаться производству различныхъ издѣлій изъ дерева, а впоследствии, сообразно со средствами, и другимъ ремесламъ.

— „Нов. Вр.“ слышало, что въ Св. Синодѣ выработаны проектъ учрежденія въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, наиболѣе зараженныхъ расколомъ, низшихъ миссіонерскихъ училищъ. По успѣшномъ прохожденіи курса, слушателямъ будетъ разрѣшено открывать въ селахъ и деревняхъ собесѣдованія съ раскольниками, не испрашивая на то разрѣшенія высшаго духовнаго начальства, а лишь подъ наблюденіемъ мѣстнаго священника.

— Министръ народнаго просвѣщенія разъяснилъ, что все открываемыя по деревнямъ и поселкамъ школы грамотности, на какія бы средства таковыя ни содержались, подлежатъ вѣдѣнію и наблюденію духовнаго начальства, къ коему и должны обращаться желающіе имѣть означеннаго рода школы.

— Настоятель шацкой Вышинской пустыни (Тамб. губ.), архим. Аркадій вошелъ къ мѣстному преосвященному съ рапортомъ о дозволеніи ему пожертвовать изъ доходнаго остатка пустыни отъ прошлаго года 1000 р. въ пользу церк.-прих. школъ Тамбовской епархіи. Разрѣшая означенное жертвованіе, преосвященный велѣлъ напечатать о такомъ пожертвованіи въ Епарх. вѣдомостяхъ, какъ о примѣрѣ достойномъ подражанія.

— Недавно послѣдовало разъясненіе министерства нар. просвѣщенія о томъ, что лица духовнаго званія, опредѣляемые на законоучительскія должности въ среднія учебныя заведенія, а также и городскія уѣздныя училища ми-

нистерства имѣють право на полученіе третяго не въ зачетъ оклада жалованья, при первоначальномъ опредѣленіи на службу.

— „Новости“ сообщаютъ, что въ нѣсколькихъ епархіяхъ мѣстные преосвященные сдѣлали распоряженіе, чтобы приходскіе священники, въ случаѣ появленія въ городахъ и селахъ холерной эпидеміи, при каждомъ удобномъ случаѣ, наприм. послѣ cadaго церковнаго богослуженія, читали и разъясняли народу наставленія, изданныя медицинскимъ департаментомъ о мѣрахъ предохраненія отъ холеры и способахъ цѣдаванія первой помощи при появленіи холеры. Кромѣ этого общаго распоряженія, духовенству предложено всѣми зависящими отъ пастырей мѣрами оказывать возможное облегченіе своимъ пасомымъ, въ случаѣ появленія холеры. Имъ рекомендовано принимать на себя, по возможности, обязанности санитарныхъ попечителей въ приходахъ, научать прихожанъ способамъ дезинфекціи и т. п.

— „С.-Пет. Вѣд.“ сообщаютъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ предписало не допускать отнынѣ бывающіе ежегодно лѣтомъ въ евангелическо-лютеранскихъ приходахъ миссіонерскіе праздники съ богослуженіемъ на открытомъ воздухѣ и денежными сборами на потребности евангелическо-лютеранскихъ миссій въ Россіи и за границей.

— Согласно резолюціи Курскаго Преосвященнаго, послѣдовавшей на анонимномъ письмѣ о проступкахъ діакона А., объявлено по епархіи, что по всѣмъ (кромѣ случаевъ въ ст. 300 уст. угол. суд. означенныхъ) безъимяннымъ доносамъ и письмамъ о проступкахъ состоящихъ на церковной службѣ лицъ, ни дознаній, ни тѣмъ болѣе слѣдствій епархіальнымъ начальствомъ назначаемо не будетъ.

— Въ особомъ отдѣлѣ Ученаго Комитета министерства народнаго просвѣщенія образована, какъ передаетъ „Нов.